

Имам Таджуддин Абдуль-Ваххаб
ибн Али ас-Субки

قاعدة في الجرح والتعديل

**ПРАВИЛА ДИСКРЕДИТАЦИИ
(АЛЬ-ДЖАРХ)
И УДОСТОВЕРЕНИЯ
(ТА'ДИЛЬ) ЛИЧНОСТИ**

DARULFIKR
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Одним из необходимых и полезных аспектов, которого ты не найдёшь в книгах по усуль-фикху, является следующее. Когда ты слышишь, что дискредитация (джарх) всегда в приоритете перед удостоверением (та'диль), или видишь, что один и тот же человек дискредитирован утверждением о его слабости и одновременно удостоверен как надёжный, а ты достаточно неопытен в этих делах или тебе известно лишь то, что передаётся в книгах по усулю, то считаешь, что дискредитация предпочтительна и только она берётся в расчёт. Избегай же этого мнения изо всех сил!

Мы считаем верной точку зрения, что если чьё-либо предводительство (в религии) и добросовестность подтверждены, и если о нём многие отзывались хорошо и хвалебно, и если обвиняющих его в чём-то мало, даже с учётом имеющихся свидетельств, указывающих на обоснованность этих обвинений, например, мазхабный фанатизм или что-то другое, то мы не обращаем внимания на эти обвинения и считаем его справедливым и

добросовестным человеком. Иначе же, если мы откроем эти врата и будем всегда предпочитать дискредитацию удостоверению, не спасётся ни один из наших имамов, ведь среди них не было того, чью честь не подвергали бы сомнению те, кто обвинял людей в нечестии, и кто бы не погиб на этой губительной стезе.

Хафиз Абу Умар ибн Абдуль-Барр в книге «Аль-Ильм» составил целую главу о словах учёных, сказанных ими друг о друге. Он начал её с хадиса аз-Зубейра (да будет доволен им Аллах): «Подобралась и к вам болезнь предыдущих общин — зависть и ненависть». От ибн Аббаса (да будет доволен им Аллах) по той же цепочке передаётся, что он сказал: «Обучайтесь знаниям у учёных, но не верьте их словам, сказанным друг о друге. Клянусь Тем, в чьей длани моя душа, они меняются чаще, чем козлы в своих загонах!».

От Малика ибн Динара передаётся: «Слова учёных и чтецов принимаются во всём, кроме случаев, когда они говорят друг о друге».

Я видел в книге «Муинуль-хуккам» за авторством маликита ибн Абдур-Рафи пространное высказывание Абдуллаха ибн Вахба, что нельзя принимать свидетельства чтецов друг о друге (он имеет в виду учёных), потому что они больше всех из людей завидуют друг другу и проявляют несправедливость. А Суфьян ас-Саури и Малик ибн Динар сказали то же самое.

Вероятно, ибн Абдуль-Барр считал так, и в этом нет проблемы, однако мы не принимаем данное мнение за истину в последней инстанции, а следуем правилу: «Не обращать внимания на дискредитацию в адрес человека, чья добросовестность подтверждена. И это в том случае, если есть свидетельства, говорящие о причинах, по которым этот человек был обвинён в чем-либо, будь эта причина мазхабным фанатизмом или чем-то подобным».

После этого Абу Умар сказал: «Правильным в этой главе является то, что дискредитация человека, чья добросовестность установлена, чьё лидерство в науках известно

и кто проявил должную заботу о знании, не принимается на веру, если только она не снабжена беспристрастной аргументацией, которая сделает эту дискредитацию действительной, согласно условиям свидетельства».

В доказательство он привёл тот факт, что некоторые праведные предшественники порицали других. Причиной некоторых порицаний были злость или зависть, а других — неверное понимание вопроса или разногласия в шариатских суждениях в области, где вывод из слов говорящего мог и не быть тем, что он подразумевал. И некоторые из них вознесли над другими обвинительный кинжал лишь по причине неверного понимания (чужих слов) или собственного личностного суждения.

Затем ибн Абдуль-Барр упомянул слова некоторых дискутирующих друг о друге и сказал, что на них не стоит обращать внимание. Так он добрался до упоминания слов ибн Маина об имаме аш-Шафии и сказал: «Это то, за что упрекали и порицали ибн Маина».

Он указал на слова имама Ахмада ибн Хан-баля: «Откуда ибн Маин мог знать аш-Шафии? Он не знал аш-Шафии и не знал, о чём тот говорил! Ведь человек — враг того, чего он не знает!».

Говорили, что ибн Маин имел в виду не имама аш-Шафии, а сына его дяди по отцу, как мы расскажем об этом, ин ша Аллах, в биографии Абу Мансура. Даже если представить, что он имел в виду имама аш-Шафии, то его утверждение не принимается во внимание. Более того, эти слова опозорили лишь его самого. Ему более подобало бы плакать и горевать из-за того, что он вынуждено заявил о сотворённости Корана, когда правитель аль-Маъмун заставил его сказать это, чем нападать на имама аш-Шафии — имама имамов, родственника Пророка (да благословит его Аллах и приветствует).

Затем ибн Абдуль-Барр привёл слова ибн Аби Зиъба и Ибрахима ибн Саада о Малике ибн Анасе и сказал: «Абдуррахман ибн Зейд ибн Аслям, Мухаммад ибн Исхак и ибн Абу Яхья, ибн Абу аз-Заннад и Абдульазиз ибн

Абу Сальма подвергали сомнению добросовестность имама Малика. Они порицали некоторые решения его мазхаба, однако Аллах очистил Малика от наговоров, и он занял перед Аллахом почётное место».

Он также сказал: «О тех, кто подвергает сомнению честь и достоинство имама Малика, имама аш-Шафии и им подобных, аль-Аъмаш сказал: “Подобен он козлу, бодающему скалу, чтобы сломать её, однако не вредит он ей нисколько, а только свои рога ослабляет”. Или, как сказал аль-Хасан ибн Хумейд: “О бодающий высокую гору, чтобы ранить её, пощади свою голову, а не эту гору!”».

Как же прекрасно сказал Абу аль-Атахия, когда молвил: «Кто же спасётся от людей — тот, кто о них говорит догадками и слухами».

Некто сказал ибн аль-Мубараку: «Такой-то говорит об Абу Ханифе плохое», и тогда ибн аль-Мубарак продекламировал: “Они позавидовали тебе, когда увидели, что Аллах оказал тебе честь, одарив тем, благодаря чему обретают почёт благородные”.

Некто сказал Абу Асыму ан-Набилю: «Такой-то плохо отзывается об Абу Ханифе», на что тот ответил: «Он подобен тому, о ком Насыб сказал: “Ты спасся, но разве живой спасётся от людей?”».

Абу аль-Асвад ад-Дуалий сказал: «Они позавидовали юноше, когда не смогли проявить усердие, равное его усердию, поэтому люди — его враги и противники».

Затем ибн Абдуль-Барр сказал: «Кто желает принять на веру всё то, что высказали достойные доверия учёные друг о друге, пусть примет на веру и то, что высказали друг о друге сподвижники, и если он поступит таким образом, то непременно заблудится и окажется в явном убытке. А если же он не поступит так, а он не поступит так, если Аллах поведёт его правильным путем, внушит благоразумие и наставит на благо, то пусть остановится в вынесении суждений о них, так как мы уже пояснили, что в отношении человека, чья добросовестность и правдивость установлены и чьё усердие в науках известно, не принимается необоснованная аргументация».

Эти слова ибн Абдуль-Барра, несмотря на свою красоту, не лишены туманности, потому что он ничего не добавил к утверждению, что дискредитация того, чья правдивость и образованность установлены, принимается только в обоснованном изложении.

Именно на это указывают слова всех учёных: «Принимается только подробная и детализированная дискредитация».

Разве добавил ибн Абдуль-Барр что-либо к этим их словам? Если он хочет намекнуть, что слова человека в отношении подобного себе или обвинения учёных в адрес друг друга не принимаются вообще, как мы выше привели цитату из «Аль-Мабсута», пусть скажет это во всеуслышание, и потом, это мнение не является тем, что всегда берётся во внимание. Более того, к их словам необходимо добавить утверждение: «Дискредитация предпочитается удостоверению», и удалить из них фразу о том, что слова человека в отношении подобного себе не принимаются на веру.

Правило для вышеупомянутого выработано, а ибн Абдуль-Барр, видимо, придерживался именно его. Иначе он бы открыто заявил, что обвинения учёных в адрес друг друга не принимаются, либо же он просто повторяет сказанное остальными учёными, а его речь не добавляет дополнительного значения их словам. Как видишь, его высказывание не полностью отражает то, что он хотел сказать.

«Что, по-вашему, полноценно отражает мысль?» — спросишь ты меня.

То, о чём мы тебе поведали сначала, а именно обвинение от дискредитирующего лица (даже если оно подробно изложено) в адрес человека, чья праведность преобладает над греховностью, о ком хвалебных отзывов больше, нежели плохих, и кого считают достойным доверия больше людей, чем винящих его в чём-либо, не принимается. Это в том случае, если имеется свидетельство, которое каждым разумным человеком понимается как причина, толкнувшая обвинителя на злословие в адрес того, кого он

обвиняет, например, мазхабный фанатизм или соперничество в накоплении земных благ. К примеру, мы не обращаем внимания на обвинения ибн Аби Зи'ба в адрес имама Малика, на слова ибн Маина об имаме аш-Шафии или же на упрёки имама ан-Насаи в отношении Ахмада ибн Салиха, потому что они известные имамы и тот, кто обвиняет их, смахивает на того, кто говорит странные вещи, которые, если бы были достоверными, обязательно передавались бы множеством цепочек передач. Но это не так, а значит ложность их очевидна.

К вещам, которые нужно исследовать в области дискредитации, относится состояние вероубеждений и их различия у того, кто обвиняет, и того, кого обвиняют. Возможно, кто-то свидетельствует о недобросовестности другого человека из-за противоречий между их вероубеждениями. На это указывал ар-Рафии: «Те, кто даёт оценочную характеристику кому-либо, должны быть чисты от злобы и фанатизма в своём мазхабе, из опасения, что это толкнёт их на незаслу-

женное обвинение человека, достойного доверия, либо же на похвалу грешника»

Это произошло со многими имамами. Они дискредитировали других по причине несогласия с их вероубеждением. В итоге тот, кого они обвиняли, был прав, а обвиняющие — ошиблись. Именно это имел в виду шейх аль-ислам, господин поздних учёных Такиюддин ибн Дакик аль-Ид в своей книге “Аль-Иктирах”, когда сказал: “Честь мусульман — словно огненная яма, у края которой находятся две группы людей: рассказчики и судьи (или правители)».

Примером того, что мы упомянули, могут служить слова некоторых из них в адрес имама аль-Бухари: «Абу Зур’а и Абу Хатим покинули его из-за его мнения о чтении Корана (имам аль-Бухари считал, что чтение Корана как действие раба — сотворено. прим. пер.)».

О Аллах! О мусульмане! Разве можно сказать про имама аль-Бухари, что он покинут, в то время как он является знаменосцем

этого дела (науки о хадисах) и первым из Ахлю-Сунна валь-Джамаа!

О Аллах! О мусульмане! Разве его почётная позиция в вопросе сотворённости чтения Корана может быть поводом для порицания? А он ведь прав в этом вопросе! Так как ни одно разумное творение не сомневается в том, что произнесение чего-либо рабом и совершение им любого действия имеет начало, которое сотворено Аллахом! А имам Ахмад (да будет доволен им Аллах) порицал данное высказывание только лишь по причине того, что оно было богохульным внешне (по его мнению — прим. пер.).

Также примером этого служат слова некоторых муджассима в адрес Абу Хатима ибн Хиббана: «Он был не очень религиозным, мы изгнали его из Сиджистана, потому что он отрицал, что Аллах имеет границы».

О мой Аллах! Кто же более достоин изгнания: тот, кто придал своему Господу ограничения или тот, что очищает Его от телесности?!

Можно привести ещё много примеров. Вот наш шейх аз-Захаби (да помилует его Аллах) из этого рода: он обладал знаниями и религиозностью, однако проявлял чрезмерность в нападках на Ахлю-Сунна, и на его слова об этом не дозволено ссылаться.

От хафиза Салахуддина Халиля ибн Кайкаляди аль-Аляи (да смилуется над ним Аллах) передаётся следующее:

«Шейх, хафиз Шамсуддин аз-Захаби — не сомневаюсь я в его религиозности, богобоязненности, а также тщательности изучения той информации, которую проговаривает он касательно тех или иных личностей. Однако преобладание над мыслью его мазхаба “исбат”, неприятие “таъвиля” и небрежение по отношению к “танзииху”, сказались на нём сильным отстранением от “ахлю танзиих” и склонностью к акыде “ахль исбат”. Поэтому, если приводит он биографию кого-либо из “ахль исбат”, то не жалеет всех тех слов похвалы и красок [которые были высказаны в отношении этого ученого прежде другими людьми], когда принимается

описывать личные качества его, явно преувеличивая выдаваемую ему характеристику, смотря сквозь пальцы на ошибки его и всеми силами стараясь толковать отклонения соратника своего в правильном русле. Однако, когда дело касается биографии кого-либо из противоположной стороны (имеются в виду “Ахлю ат-танзих”), таких как имам аль-Харамайн (аль-Джувайни) или имам аль-Газали [или подобных им шейхов], то слова похвалы в отношении этих людей становятся скудными, а критика и порицание их увеличиваются.

[Нужно сказать], что он (аз-Захаби) постоянно возвращается к недостаткам своих оппонентов [когда рассказывает биографию этих шейхов] и желает обнародовать их — будучи убежденным, что такого подхода требует от него “диин” (религия), не осознавая — нарочито отворачиваясь при этом от того изобилия достоинств, которыми обладают эти ученые, и не желая приводить их полностью [в биографии], но если наткнется на ошибку [или недостаток] кого-либо

из них — обязательно упоминает ее в жизнеописании.

Также поступает он и в отношении наших современников — если не может открыто сказать о недостатках его, то говорит в биографии своего оппонента следующее: “Аллах исправит его” [или подобные этим слова]. И это всё по причине разногласия с ним в акыде».

Реальное положение нашего шейха аз-Захаби более информативно, чем его описание. Он наш шейх и учитель, но истина более достойна того, чтобы следовать ей. Он достиг в своем фанатизме такого предела, что над ним уже начали насмехаться. Я опасюсь, что в Судный день он будет отвечать перед Аллахом за то большинство учёных и имамов мусульман, которые донесли до нас шариат Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), ведь большинство из них — ашариты. А когда он злословил об имаме аль-Ашари, то не упускал ничего из того, что было сказано о нём в плохом ключе. Я уверен, что они будут его оппонентами в

Судный день, и может быть, случится так, что тот из них, кого он считал самым низким, будет лучше него самого. Пусть Аллах облегчит ему его положение, внушит его оппонентам снисхождение к нему и сделает их заступниками за него!

Мы наблюдаем у шейхов позицию запрета читать его слова и их неприятия. Они требовали, чтобы никто не упоминал его книги по истории, за исключением разве что того, кто вероятнее всего не станет пересказывать оттуда вещи, заслуживающие порицания.

Что же касается слов аль-Аляи (да помилует его Аллах) «не сомневаюсь я в его религиозности, богобоязненности, а также тщательности изучения той информации, которую проговаривает он касательно тех или иных личностей», то я тоже так думал. Про эти вещи я скажу, что, возможно, он (аз-Захаби) считал их религиозной необходимостью, из них то, о чем я с полной уверенностью заявляю, что он знал об их лживости, и я уверен, что он их не сфабриковывал и хотел написать о них в своих книгах для распространения.

Также я уверенно говорю, что он из-за своей ненависти к автору этих слов и из стремления отпугнуть людей от них хотел, чтобы слышавший их убедился в их правдивости. Это при том, что сам он не слишком много знал обо всех значениях, которые могли иметь те или иные слова. Он также был уверен, что к этому обязывает его вероубеждение, в истинности которого он не сомневался, учитывая, что он мало занимался глубоким изучением шариатских наук.

После его смерти я нечасто заглядывал в его сочинения, когда нуждался в этом, и даже не брался за исследование того, что он писал, не добавлял ничего к его словам, а только отсылал к ним; пусть любой, кто желает, прочтёт их и потом посмотрит, действительно ли человек может справедливо исследовать материал в момент ярости. Под яростью я понимаю те случаи, когда он описывает биографии учёных трёх известных мазхабов: ханафитского, маликитского, шафиитского.

Я уверен, что этот человек, когда потянулся за своим пером для написания биогра-

фии одного из них, так разгневался, что искусал и разломал его по причине своего фанатизма — и от пронизательного человека не скроется, по какой причине это было сделано. При этом он ведь не разбирается как положено во всех значениях, на которые указывают слова (похвалы и порицания), и может быть так, что он упомянет слово порицания, которое, если бы знал его значение, даже произносить бы не стал. Я всегда удивляюсь тому, что он в книге «Аль-Мизан» называет имама Фахруддина ар-Рази слабым передатчиком, так же он охарактеризовал и ас-Сейфа аль-Амиди, и я говорю: «О Аллах, как же удивительно! Эти двое вообще не передавали хадисы, и никто не дискредитировал их, и не слышно было, чтобы хоть кто-то опровергал их научные утверждения, так какой же смысл вообще писать о них в этой книге?».

Затем, мы не слышали, чтобы кто-то называл имама Фахруддина Фахром — его называли либо имамом, либо ибн аль-Хатыбом. Когда приводилась его биография, то она

помещалась в главу «М» — «Мухаммадун». А он (аз-Захаби) поместил его биографию в главу «Ф» и назвал его Фахром. В конце этой книги он поклялся, что в написании её не опирался на свои эмоции, но есть ли более скверное из того, к чему подстрекают дурные склонности души, чем такое поведение?! Либо он не был правдив в своей клятве, либо сделал в ней исключения и привёл также тех, кто не является передатчиком, и тогда у него нужно спросить: «Для чего ты привёл имена тех, кто не является передатчиком?», либо же он не считал, что к такому поведению его подталкивает эго, и тогда, если он достиг таких пределов (прибегаем к защите Аллаха от этого), то сердце его запечатано.

Вернёмся к тому, о чём мы говорили.

Возможно, ты скажешь: «Вы считаете, что необходимо проверить состояние вероубеждения, подразумеваете ли вы под этим, что абсолютно не принимается чьё-либо мнение о своём оппоненте, если их вероубеждения противоречат друг другу, будь то

мнение суннита о нововведенце или наоборот?».

Я же отвечу, что это сложный аспект, и тому, кто хочет исследовать его более детально, необходимо повременить с вынесением суждений, пока он не осознает ту ответственность, что возложена на него. Ему также не следует проявлять спешку и отвергать что-либо, пока он не рассмотрит это внимательно.

Знай, что подразумеваемое нами более обширно, чем то, что ты высказал. Мы не говорим, что тебе абсолютно нельзя принимать свидетельство суннита против нововвенца — прибегаем к защите Аллаха от этого. Однако мы говорим, что если кто-то засвидетельствовал против кого-либо, и они противоречат друг другу в вероубеждении, то их расхождение зарождает подозрение в свидетельстве, по мнению аль-Хакима аль-Мунтасыра, и наоборот, он не видит проблемы в том, что свидетельство исходит от того, кто не противоречит своему оппоненту в вероубеждении, с этим не согла-

сится только бестолковый глупец. Затем те слова, которыми свидетельствуют против кого-либо, различаются по обстоятельствам и целям. Возможно, свидетельствующий против кого-либо преследует цель получить поддержку своих идей, и это будет до того кристально ясно, что это ни от кого не скроется; или же цель примерно похожа. А возможно, цель его неясна до такой степени, что её не поймёт никто, кроме проницательного и умного человека.

Возможно также, что свидетельствующий — приверженец Ахлю-Сунна — наивен и из ненависти к своему оппоненту-нововведенцу, превышающей дозволенные Аллахом пределы, выстроит у себя в голове дурные подозрения о нём, что в конечном счёте побудит его поверить тем словам, что передаются о нём. И вот, о его оппоненте передаются некие слова, и этот исследователь считает их достоверными по причинам, которые мы упомянули, и он начинает использовать эти слова против него.

Проницательный же учёный не будет спешить с вынесением суждения в подобных случаях, пока ему не станет известно положение дел этого передатчика. А богобоязненный свидетель, даже если он один из ярых приверженцев Ахлю-Сунны, сам рассмотрит то, что передаётся об этом нововведенце. И вот данный исследователь, допустим, поверил этим словам и решил принять их как свидетельство против того, о ком они сказаны. Однако ему необходимо будет снова рассмотреть это сообщение и того, о ком оно сказано, так, как если бы он был из числа его сторонников по вероубеждению. Поверил бы он этому сообщению в таком случае или нет? И если бы поверил, то произошло бы это с той же лёгкостью, с какой он поверил дискредитирующему сообщению в адрес нововвенца? И пусть сравнит эти два допущения: своё подтверждение сообщения о нововвенце и гипотетическое подтверждение о человеке из сторонников своего вероубеждения, если бы оно передавалось о нём. Если он находит

эти два допущения одинаково возможными и не видит между ними разницы, то он должен подчиниться тому, к чему привело его усердие. А если нет, то пусть знает, что он не беспристрастен в своём суждении и шайтан овладел им и внушил ему, что данное дело — не что иное, как приближение к Аллаху и помощь истине, и пусть знает, что на самом деле это признак его невежества и слабости религии.

Если таково наше мнение в отношении суннита, который дискредитирует правдивость нововведенца, то каким, по-твоему, будет наше мнение в отношении нововведенца, который дискредитирует суннита?! Что касается нововведенцев, особенно уподобляющих Аллаха творениям (муджассима), то у них есть одно качество, которого нет в других еретиках: они не видят ничего зазорного в том, чтобы лгать в поддержку своего мазхаба и свидетельствовать против своих оппонентов по вероубеждению, приводя свои догадки, которые бросают тень нечестия на их имущество и на них самих, также

они лжесвидетельствуют против них, дабы оказать помощь своему вероубеждению. Их злоба и «приближение» к Аллаху при помощи лжи усиливаются всякий раз, как их оппонент порицает их и поносит. Мусульманину абсолютно не дозволяется принимать в расчёт слова таких еретиков.

Если ты спросишь, является ли правильным по мазхабу принимать свидетельство нововведенца, о неверии которого мы не выносим суждения, я отвечу, что принятие его свидетельства не устраняет сомнения в его свидетельстве против его оппонента по вероубеждению. А сомнение требует проверки, раскрытия вопроса и его обоснования, если оно подтвердится. Все эти способы помогут выявить истину, если пожелает Аллах, когда ты будешь опираться на то, на что следует опираться. В комментарии аль-Кадыя аль-Хусейна сказано, что нельзя ненавидеть человека за то, что он относится к тому или иному мазхабу, ведь это аннулирует свидетельство против него.

Он (аль-Хусейн) подразумевал того, кто относится к общепризнанному мазхабу, а что же касается нелюбви к человеку, относящегося к еретикам, то эта неприязнь не влияет на свидетельство против него.

Знай же — то, что мы рассказали о принятии свидетельства еретика, удостоверил имам ан-Навави, но оно идёт вразрез со словами имама аш-Шафии о непринятии свидетельства секты аль-Хытабия. Её адепты утверждали, что если их единомышленник выражал свое свидетельство против кого-то такими словами, внешний смысл которых обрывал всякую вероятность его опоры на слова истца (или его сговора с ним), как, например, если он скажет: «Я слышал тако-го-то, что он признался, что должен такому-то» или «Я видел, что он давал займы ему», то его свидетельство принималось (по словам хытабитов).

Это по причине того, что хытабит считал дозволенным свидетельство в пользу своего соратника; только из-за того, что он слышал, как тот говорил: «Такой-то должен мне

то-то», он доверял ему, и на это указывал имам аш-Шафии.

Положение хытабитов наших дней, то есть муджассимов, более вопиющее, ведь они стали наговаривать на своих оппонентов по вероубеждению, особенно тех, кто опровергает их, и высказывали свои скверные догадки, которые бросали тень нечестия на них и их имущество.

До меня даже дошла весть, что главный из них просил фетву о том, можно ли ему лже-свидетельствовать против шафиита. Тогда тот, у кого он просил фетву, спросил: «Ты же считаешь его кровью дозволенной?», он сказал: «Да». Тогда отвечающий продолжил: «Всё остальное по значимости меньше этого, так свидетельствуй же против него и убереги таким образом мусульман от его вреда!».

Таково их вероубеждение. Они считают только себя мусульманами и полагают, что только они принадлежат к ахлю-сунне. Если же посчитать их, то их учёные, да и нет у

них учёных в действительности, не достигнут приемлемого количества. Они обвиняют в неверии большую часть учёных общины, затем относят себя к имаму Ахмаду ибн Ханбалью (да будет доволен им Аллах), но он не причастен к ним. Однако, как сказали некоторые познавшие Аллаха (и я видел это написанным от руки самого шейха Такиюддина ибн ас-Саляха), Всевышний испытал мазхабы двух имамов последователями, а в реальности же они непричастны к ним; это Ахмад ибн Ханбаль, которого испытали тем, что среди последователей его мазхаба много муджассима, и имам Джафар ас-Садык, последователями мазхаба которого считают себя рафидиты.

Затем, то что мы упомянули, было согласно методу принятия сообщений, установленному имамом ан-Навави (да помилует его Аллах), я же считаю правильным то, что их свидетельство против суннита не принимается. Если ты спросишь, считал ли Абу Хамид и его последователи, что свидетельства всех приверженцев страстей не принимают-

ся, то я отвечу: «Нет, не принимается свидетельство еретиков против своего оппонента по вероубеждению, даже если сам их оппонент — еретик. Я не думаю, что имам ан-Навави и другие имамы придерживаются мнения, отличного от этого!».

То, о чём сказал имам ан-Навави — это принятие свидетельства нововведенца, доказательство неверия которого в целом не было вынесено. Что же касается принятия его свидетельства против его оппонента по вероубеждению, помимо того, что это порождает сомнение в таком свидетельстве, то ни имам ан-Навави, ни другие не говорили об этом. Если ты скажешь, что самое большее, что следует из противостояния вероубеждений, это вражда в религии, и отсюда никак не следует непринятие свидетельства, то я отвечу, что отсюда не следует непринятие свидетельства человека, следующего истине, против человека, следующего лжи, как это сказали наши соратники: «Принимается свидетельство суннита против еретика». Такова же ситуация с тем, кто возне-

навидел грешника по причине его явного греха, и я объясню тебе, что подпадает под этот случай. О принятии же свидетельства еретика против суннита не сказал ни один из наших соратников.

Затем, то, что они упомянули (то есть принятие свидетельства суннита против еретика), относится к сунниту, который в своём отношении к еретик и нелюбви к нему не достиг той степени, когда его это заставляет его проявить фанатизм. То же самое — со свидетелем против грешника. Я не принимаю свидетельство суннита или любого другого человека, который в неприязни к грешнику превысил этот предел, потому что проявил к человеку больше того, что от них требует Законодатель, и это порождает подозрение к их свидетельству. Сколько же я видел свидетелей, которые проявляли ненависть к человеку и свидетельствовали против него, обвиняя в грехе, по причине того, что он погряз перед ними в долгах. И вот он приходит ко мне давать показания, плача от страха, что будет унижен перед мусульма-

нами как злостный неплательщик и станет известен в таком качестве между ними. И я клянусь тем, в чьей длани пребывает моя душа, я убеждён и уверен, что этот человек, против которого засвидетельствовали, лучше, чем сам свидетельствующий!

Я не говорю, что его умышлено оболгали, но свидетель построил предположения на своих догадках, поверил в слова о нём, которые слабы по достоверности, затем возненавидел его по этим причинам. С тех пор эгоистичные устремления охватили его, и дьявол овладел им, а порочные побуждения его души и тот долг, о котором он помнил, подтолкнули его к этому свидетельству.

Это то, что я видел и наблюдал, а ведь я проработал шариатским судьёй многие годы, и пусть боится Аллаха человек, который остановился у края адской ямы, нет силы и мощи ни у кого, кроме Аллаха! Аллах сделал меня судьёй и мухаддисом! Ибн Дакык аль-Ид сказал: «Честь людей по отношению к правителям (судьям) и рассказчикам — это огненная яма (куда они могут провалиться)!».

Это также подтверждают слова наших со-ратников: «Если некто сделал разрешённой кровью кого-либо из мусульман, свидетельствуя против него и обвиняя его в преступлении, что в итоге повлечёт за собой приговор к смертной казни, но затем не смог привести его в исполнение (например, не смог первым бросить камень при забивании камнями), то такого подсудимого не казнят». Об этом писал ар-Рувьяни в книге «Аль-Бахр» в главе «Тот, кому можно свидетельствовать», приведя эту информацию от некоторых учёных нашего мазхаба и никак её не прокомментировав. И нет в мазхабе шариатского положения, противоречащего этому.

Если ты скажешь: «Укайба сказал: “Если кто-либо обругал кого-либо завуалированно, используя фразы, которые можно истолковать иначе, а затем засвидетельствовал против него, то его свидетельство принимается, а если он сделал это открыто, используя однозначные слова и фразы, то такое свидетельство не принимается”», я отвечу,

что под принятием свидетельства человека против другого после того, как тот завуалированно обругал его, он имел в виду свидетельство об определённом деле, из-за которого свидетель не испытывал к оппоненту сильной ненависти, и это не то, о чём мы говорили выше.

В деле дискредитации передатчиков необходимо внимательно исследовать состояние дискредитирующего лица в использованных им компрометирующих словах в адрес кого-то. Я много раз сталкивался с ситуацией, когда один слышал слово и понимал его не в том смысле, который подразумевал говорящий. Знание слов и терминов, особенно тех, которые различаются в зависимости от обычаев и в одном контексте имеют смысл одобрения, а в другом могут означать унижение — дело серьёзное и сложное, и не способен на него кто-то, кроме обладателя глубоких знаний. Необходимо также исследовать знания дискредитирующего лица в области шариатских постановлений. Возможно, невежда посчитает разрешённое за-

прещённым и так и засвидетельствует против кого-то.

Поэтому учёные факыхи обязали людей узнавать о ситуации во всех подробностях, чтобы прояснить её. Имам аш-Шафии сказал: «Я присутствовал при том, как один мужчина компрометировал другого, и когда он был спрошен в настоятельной форме о причинах этого, он ответил, что видел его справляющим нужду стоя. Затем у него спросили: “И что же в этом такого?”, он ответил, что ветер раздувал капли мочи на его руки и одежду, а затем тот молился в ней. У него спросили: “Видел ли ты, как капли мочи попали на него, а затем он помолился, не постирав одежду?”. Он ответил: “Нет, но я видел, как он собирался это сделать”».

Автор книги «Аль-Бахр» сказал: «Передаётся что один человек компрометировал другого, говоря, что тот использовал глину, взятую из общественного водоёма».

То, чем нужно озаботиться в деле дискредитации — это то, на что указал шейх уль-Ис-

лам ибн Дакак аль-Ид, а именно: разногласия, которые случились в среде многих суфиев и приверженцев ахль аль-хадис, когда одни начали говорить дискредитирующие слова в адрес других, например, некоторые из них порочили честь аль-Хариса аль-Мухасаби и прочих учёных, и это действительно включено в тематику «дискредитация между оппонентами в вероубеждениях», если даже ибн Дакак аль-Ид так не посчитал. Большая же беда в тех идеях, которые побуждают к фанатизму и страстям, к погоне за мирским, дабы заполучить преходящие блага; у поздних учёных этого больше, нежели у ранних, однако фанатизм из-за определённых идей одинаково присутствует и у тех и у этих.

Некоторые муджассима в наше время дошли до того, что переписывают многочисленные тома шарха к сборнику «Сахих Муслим» шейха Мухйиддина ан-Навави и удаляют из слов имама ан-Навави те комментарии, которые он оставил в хадисах о качествах и атрибутах Аллаха. Имам ан-Навави — аша-

рит по вероубеждению, а этот переписчик, даже если сильно потрудится, не будет способен составить книгу таким образом, как это сделал имам ан-Навави!

Я считаю это одним из больших грехов, ведь это искажение шариата и создание прецедента, который подорвёт доверие к книгам учёных и их сочинениям. Пусть же Аллах обезобразит того, кто поступает подобным образом, и опозорит его! Этот шарх не нуждается в такой переписке!

Давайте вернёмся к теме о дискредитирующих лицах. Если ты скажешь, что всё это возвращается дискредитацией к самому дискредитатору, ведь он подорвал доверие к тому, кто этого не заслуживал, то я отвечу, что касательно того, кто дискредитировал другого, опираясь на своё эго и тому подобное, это, несомненно, правда! А что касается того, кто дискредитировал, опираясь на некоторые предположения, которые у него имелись, то исследователю здесь необходимо повременить с выводами, потому что это скользкое место. Тот, кто не способен разо-

браться в этих предположениях и вместе с тем не оставляет это дело Тому, кто знает тайны, оступится на нём.

Мы говорим: бесспорно, если некто дискредитирует имама, чей авторитет укоренился к умах и которого наперебой восхваляют передатчики, то упрёки такого возвращаются к нему самому.

Однако, если некто, чья добросовестность известна, высказал компрометирующие слова о каком-либо учёном, в адрес которого такие слова недопустимы, то мы не обвиняем высказавшегося в грехе, а допускаем некоторые предположения:

1. он ошибся (разве есть среди нас не ошибающиеся?);
2. дискредитация от лица такого человека неоднозначна, он может осудить кого-либо за действие, которое он считал компрометирующим, но тот, в отношении кого вынесли суждение, не считал это действие плохим, как это случается в разногласиях муджтахидов;

3. возможно, эту весть о ком-то передал дискредитатору тот, кого он считал правдивым, однако мы считаем его лжецом. Это из-за наших разногласий в науке джарх ва таадиль. Возможно, для одного учёного доверие к нему подорвано, но для другого он является справедливым. Таким образом, имеют место разногласия в аргументации из-за разногласий в характеристике передатчика. Необязательно, чтобы причиной, повлёкшей чью-либо дискредитацию, был фанатизм или порочные страсти, чтобы мы вернули эту дискредитацию упрёком самому дискредитирующему лицу.

Есть два допущения, которых мы будем придерживаться, пока не убедимся, что они противоречат друг другу. Первое — добросовестность имама, которого дискредитировали, однако авторитет которого укрепился в исламской среде. И второе — добросовестность дискредитирующего лица, которая укрепилась среди людей. В этом случае мы не обращаем внимания на его дискредитацию и не придаём веса его компромети-

рующим словам. Запомни сказанное нами, ведь это важно.

Если ты спросишь, способно ли установленное нами правило ограничить слова имамов «Дискредитация (учёного/передатчика) всегда в приоритете перед (его) удостоверением», ведь мы делаем исключение для дискредитации человека, которого специалисты по удостоверению (передатчиков) редко обвиняют в чём-то, я отвечу, что это не так, и что под словами «дискредитация в приоритете перед удостоверением» подразумевается тот случай, когда дискредитация и удостоверение в отношении одного и того же лица противоречат друг другу.

И если это происходит в ситуации, когда необходимо отдать предпочтение, то предпочтение отдаётся дискредитации по той причине, что в этом у нас больше знания (то есть дискредитирующее лицо могло знать нечто большее, из-за чего он усомнился в добросовестности передатчика/учёного, нежели удостоверяющее лицо). Противоречия между этими двумя вещами возможны

в том случае, если они равны в доказательной силе, потому что это и есть причина их противоречия. Если же при их рассмотрении они окажутся не равны в доказательной силе, то мы поступаем согласно тому из них, что более убедительно — дискредитация или удостоверение.

Слова об удостоверении и дискредитации одного и того же учёного, о которых мы сейчас говорим, не противоречат друг другу, потому что, вероятнее всего, добросовестность этого имама установлена. Это подобно ситуации, когда дискредитирующих лиц в отношении одного и того же человека больше, и его дискредитация более вероятна, по единодушному мнению, потому что в данном случае противоречия между удостоверением и дискредитацией нет (так как они не равны по доказательной силе). В последнем случае никто из нас не говорит о том, что следует предпочесть удостоверение, как не говорят это даже те, кто при противоречии предпочитает удостоверение, не говорят это и другие специалисты.

В собранной нами книге «Джам’у аль-джавами», являющейся кратким изложением этих двух основ резюмируется: «Дискредитация предпочитается в случае, когда дискредитирующих лиц больше, чем удостоверяющих, это единогласное мнение. Так же дело обстоит, когда они равны; или, когда дискредитирующих меньше. Сказал ибн Шаабан, что необходимо предпочесть!».

В этом тезисе есть некие подробности, которых нет в кратких изложениях книг по усулю аль-фикху, ведь мы указали на единогласие, на которое не указали их авторы; также мы передали слова маликита ибн Шаабана, которые встречаются редко — их они также не привели. Мы же хотели сказать словами «необходимо отдать предпочтение», что спорный момент наступает в случае, когда происходит противоречие, ведь предпочтение можно отдать только в этом случае. Это — тематика нашей книги «Джам’у аль-джавами», пусть Аллах не лишит нас её пользы. Мы считаем, что, скорее всего, в каждой теме этой книги есть под-

робности, которых нет в цельном виде в других книгах, как и нет краткого красноречивого изложения материала. Если ты узнал это, то, значит, узнал о том, что не каждая дискредитация находится в приоритете перед удостоверением.

Наш шейх аз-Захаби (да помилует его Аллах) написал главу и посвятил её группе учёных, которым не вредит порицание, однако они достойны доверия, несмотря на то, что кто-то высказывается о них отрицательно, и они не причастны к данным обвинениям. Мы приведём в его биографии полезные отрывки из этой главы, иншаАллах.

Закончим же мы это правило двумя высказываниями, не лишёнными значительной пользы, которые читатель не увидит ни в одной книге, кроме нашей:

1. их слова «принимается только подробная дискредитация» относятся к дискредитации того человека, чьи достоверность и добросовестность подтверждены, и если некто хочет заявить об обратном, обвинив

его в чём-то, то ему будет сказано: «Приведи ясное доказательство этого». Также, если двое дискредитируют того, чьё положение (справедлив он или нет) неизвестно, а двое других пытаются его оправдать, то обвинения первых двоих необходимо исследовать, разобрать и обосновать.

Касательно же того, кто уже дискредитирован (или кто не является справедливым и добросовестным), то в его адрес принимается и последующее обвинение, потому что оно ложится на уже установленную репутацию (недобросовестность), по нашему мнению, и мы не требуем детального изучения второго обвинения, потому что в этом нет нужды;

2. детального обоснования обвинения мы требуем не от каждого дискредитирующего лица, а только в том случае, когда оно допускает сомнение, либо по причине разногласий в иджтихаде, либо же если сам дискредитирующий обвинялся в чём-то незначительном и т. п. То есть данное обвинение не обязывает беспрекословно принять

слова дискредитирующего на веру, как и не позволяет вовсе отказаться от них, но их необходимо учитывать с пятидесятипроцентной вероятностью, что это правда. Однако если данное сомнение устранено, обвинение аннулировано, а само дискредитирующее лицо является учёным мужем из общего числа учёных общины, непричастным к другим обвинениям, или же если тот, кого дискредитировали, известен слабостью, и критики даже перестали обращать на него внимание (из-за его слабости), то мы решительно примем дискредитацию в его отношении и не потребуем деталей и обоснования от дискредитатора, ведь детальное обоснование приводится по причине возможного поклёпа, а в вышеупомянутом случае в данном требовании нет нужды.

Таким образом, мы принимаем слова дискредитации ибн Маина в отношении Ибрахима ибн Шуайба аль-Маданий, ибн Вахб передал о нём следующие слова: «Он ничего собой не представляет». Также мы принимаем обвинение Ибрахима ибн Язида

аль-Маданий в слабости, как и обвинение аль-Хусейна ибн аль-Фараджа аль-Хайат в лживости и воровстве чужих хадисов. Согласно этому, даже если дискредитация не подробна, то ведь он (ибн Маин) — имам этой науки (Джарх ва таадиль) и один из первых её основателей — дискредитировал группу людей, чья добросовестность не была установлена. А его обвинение в адрес аш-Шафии мы не принимаем, даже если он докажет его в деталях и приведёт тысячу объяснений — по причине установленного категоричного обоснования, что он просто не имеет права на такую дискредитацию.

Прими же во внимание то, на что мы указали на примере ибн Маина и других примерах, запомни сказанное нами, и ты извлечёшь пользу из этого.

К этому правилу джарха ва таадиля близко и другое правило — в отношении историков — которое очень полезно.

Историки вполне могут унизить или возвысить кого-либо по причине фанатизма или

невежества, опираясь на простую передачу сообщений от того, кому нет доверия, или по другим причинам. Невежества же среди историков больше, чем среди специалистов науки джарх ва та'диль, то же самое касается фанатизма... Не видел я, чтобы книги по истории были чисты от этого, кроме малой их доли.

Что же касается книг по истории, написанных пером нашего шейха аз-Захаби, да простит ему Аллах, то она, несмотря на свою красоту и собранность, переполнена крайним фанатизмом, пусть Аллах не спросит его за это; он злословил о религиозных людях, имею в виду бедняков (суфиев), которые являются лучшими из творений, а также порицал многих шафиитских и ханафитских имамов, проявлял неумеренность в нападениях на ашаритов и наоборот — слишком хвалил муджассима. Если таково положение красноречивого хафиза и уважаемого и почтенного имама, каково же тогда положение простых историков, не являющихся учёными? И наше мнение таково, что от историков

не принимается ни порицание, ни восхваление кого-либо, если не соблюдены условия, которые установил имам имамов и учёный уммы, шейх, имам, мой отец [Такиюддин ас-Субки] (да помилует его Аллах).

Я привёл его высказывание, выписав из его личных записей: «Для того, чтобы принять на веру сообщение от историка, необходимо, чтобы он был правдив, чтобы передавал слово в слово, а не по смыслу, и чтобы информацию, которую он хочет передать, он не записывал по памяти, а переписывал, а также он должен назвать имена тех, от кого передаёт информацию. Вот четыре условия для того, чтобы принять то, что он передаёт. Так как историк пишет биографию согласно своим знаниям и, возможно, многословен в порицании и скуп в похвале, то ещё одно условие требует от него знать о реальном положении того, о ком он пишет, в области знаний, религии, а также о других его качествах, а ведь это очень сложно! Он должен писать ясными выражениями, правильно понимая смысл слов. Его биография долж-

на всецело передавать реальные качества и деяния личности, она должна быть написана так, чтобы к ней нельзя было ни добавить, ни убавить что-то, автора биографии не должны одолевать порочные побуждения его души, которые будут диктовать ему чрезмерное восхваление того, кого он любит, или же слишком скупое описание прочих людей. Более того, он либо должен быть полностью лишён порочных побуждений души, а это очень тяжело, либо иметь такое чувство справедливости, которое сломит его эго и поведёт по пути непредвзятости.

Это были ещё четыре условия. Можешь посчитать их как пять, потому что во время написания биографии у него может не получиться правильно передать жизнеописание человека и перечислить его знания, и для этого придётся получить адекватное представление о нём, прежде чем начать писать. Таковы девять условий принятия сообщения от историка, а самое сложное из них — правильная оценка уровня знаний человека, потому что сам историк должен быть

равен ему или близок к нему в знаниях. Это нужно для того, чтобы он правильно оценивал статус описываемого человека».

Он упомянул, что установил эти условия после того, как проанализировал слова ибн Маина в отношении аш-Шафии и слова Ахмада ибн Ханбали: «Он не знает аш-Шафии и не знает, что говорит».

Я же скажу, как прекрасны его слова: «Возможно, многословен в порицании и скуп в похвале». Они указывает на очень полезный аспект, на который многие не обращают внимания, а наделённые Божьей помощью люди остерегаются его, это «слишком длинное или недостаточное длинное описание кого-либо», возможно, аккуратный специалист из предосторожности не будет фиксировать в биографии ничего, кроме той информации, что до него дошла. Затем он перейдёт к описанию того, кого он не любит, и начнёт многословно перечислять все его недостатки, о которых он вспомнит, и умолчит о многих достоинствах, переданных о нём, а когда же он дойдёт до описания того, кого любит, всё

произойдёт наоборот. Этот бедняга будет думать, что не совершил ничего греховного, потому что он не обязан удлинять чью-либо биографию или упоминать обо всех достоинствах описываемого. И не сообразит этот оболыщённый, что укорачивание биографии с таким намерением есть издевательство над человеком, предательство Аллаха, его Посланника и верующих, когда он передаёт те похвалы и порицания, которые были высказаны в отношении описываемого. Он подобен тому, перед кем упомянули кого-то, а он сказал: «Избавьте нас от разговоров о таком-то, поистине, он странный», или «Пусть Аллах исправит его». И после этого он думает, что это не злословие, однако это самое мерзкое злословие!

Я изучил в «Тарих аль-Ислям» за авторством имама аз-Захаби биографию шейха Муаффака ибн Кудама аль-Ханбали и биографию шейха Фахруддина ибн Асакира, и он (аз-Захаби) написал много о первом и сокращённо изложил жизнеописание второго, и ни один разумный человек не будет со-

мневаться в том, что на это его подтолкнуло то, что первый был ханбалитом, а второй — ашаритом, а ведь все они предстанут перед Господом миров.

Также прекрасны слова шейха, имама (Такиюддина ас-Субки): «Автора биографии не должны одолеть порочные побуждения его души», ведь они властвуют над всеми, кроме тех, кого уберёт Аллах.

Также к его словам «он либо должен быть полностью лишён порочных побуждений души, а это очень тяжело, либо иметь такое чувство справедливости, которое сломит его эго» мы добавим: «Возможно, он не будет лишён страстей, однако он не будет воспринимать их таковыми, а по причине своего невежества или еретических убеждений будет воспринимать их как благо. И тогда не потребуется то, что сломило бы его страсти, потому что в его сознании они закрепились как благо. Это подобно тому, что делают многие из оппонентов по вероубеждению в отношении друг друга. Не следует принимать их слова друг о друге без соблюдения

условий, а только лишь в том случае, если передающий достоин доверия и в точности передаёт то, что видел или исследовал сам».

Наши слова «в точности передаёт» исключают передачу любого сообщения, которое неправильно изложено, наподобие пустяков, из которых при внимательном рассмотрении не следует ничего значительного.

Наши слова «то, что видел или исследовал сам» говорят об отказе от сообщений тех, кто проявлял чрезмерность или скупость при описании оппонента, преследуя целью продвижение своих идей. И как же прекрасны установленные имамом условия, требующие, чтобы описывающий знал описываемого и понимал смысл используемых слов, ведь многие по причине своего невежества впали в заблуждение, когда упомянутые в книгах ранних учёных дискредитирующие выражения в отношении групп людей и обвинения их в философии были восприняты ими так, будто ильмуль-калям и есть философия, и другие подобные моменты, полное перечисление которых затянется надолго.

ПОСЕТИТЕ НАШ САЙТ: DARULFIKR.RU

Darulfikir.ru — исламский образовательный портал, целью которого является распространение истинного вероубеждения *Ахлю-Сунна валь-Джама'а*.

МЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:

УСТАНОВИТЕ НАШЕ ПРИЛОЖЕНИЕ:

